

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ЭХО ПОДВИГА

ЛИТЕРАТУРНЫХ портретов я не писал никогда и если решился, то, безусловно, лучше всего начать с признания: мне нравится проза Александра Кривицкого. С интересом, всегда искренним и большим, читаю написанное им и, понятно, неравнодушно встречаю его имя на страницах газет и журналов, на обложках книг. Ожидаю появления его новых произведений. С давних пор.

Александр Кривицкий, которому на днях исполняется 70 лет, не молчит — его публикации подтверждают правоту ожидания. Журнал «Знамя» в 1978 году предложил читателям очень своеобразную повесть-хронику «Тень друга», где так неожиданно и так естественно сходятся военные герои, русские патриоты разных эпох: в 1979-м продлил этот цикл повестью «Отголоски минувшего», а только что познакомил нас с новой работой автора — «Елка для взрослого, или повествование в различных жанрах», с которой вполне сдружилось бы слово «порадовал», если бы в ней не было страниц, столь грустных по существу, когда и радость от знакомства с ними, и благодарность автору за них не требуют никаких слов, а приобретают тихую и задумчивую глубину.

Это рассказы о людях, еще недавно — и в грозные годы войны, и в напряженное время мира — бывших для большинства незримыми, но постоянными спутниками жизни, о писателях Константине Симонове, Андрее Платонове, Петре Павленко, Борисе Пастернаке. Называю Хикмету, о тех, кто уже ушел от нас, но и в памяти молодых поколений, вместе с ними, продолжит свой немеряный путь, и еще о других, с кем мы впервые знакомимся у этой елки, украшенной памятными случаями из жизни. Автор рассказывает, с кем и с чем сводила его жизнь на своих трудных и прекрасных дорогах, значит, это рассказ не только о друзьях, но, прибегая к емкой строке поэта, можно смело сказать: о времени и о себе. И пока придется оставить елку Александра Кривицкого и вернуться к информации о творческом пути писателя, без которой литературный портрет немислим. Мера ответственности подсказала мне форму беседы, чрезвычайно распространенную сегодня в нашей печати, и я задал Александру Юрьевичу несколько вопросов:

— Это правда, что, приехав из родного Курска в Москву, вы работали на заводе? Каким?

КРИВИЦКИЙ. Авиационном. Первые советские моторы делали. Потом на них Гомеров и Чкалов рекорды ставили.

— Однако, судя по фразам в разных рассказах, с детства вас влекла к себе книга... Как вы относились к литературе уже в ту пору?

КРИВИЦКИЙ. Русская литература — какое счастье, что она существует с тобой рядом, все время, с детства до старости. Когда-то, в крепостнической, царской России она заменяла парламент, демократию, всегда была просветительской, страдала за народ, возбуждала в нем добрые чувства и вела через все сложности жизни, сомнения и невзгоды...

— В рабочих газетах стали появляться ваши статьи о книгах и писателях. А потом — прочное, на годы, место в военной газете «Ноябрьская звезда», где вы руководили отделом литературы и искусства. Так?

КРИВИЦКИЙ. Порог «Красной звезды» я переступил задолго до начала войны. 23 июня 1941 года на страницах родной газеты была напечатана моя подвальная статья «Я бой за Родину». В мае 1945-го — очерник «Русский офицер за рубежом». Между этими датами — многое...

— Прежде чем коснуться хоть немного из «многого», интересно узнать, почему — военная газета?

КРИВИЦКИЙ. В тринадцать лет я прочел военные сочинения Клаузевица, Жомини, Драгомирова, статьи Фрунзе... Так вот характер домашней библиотеки братьев.

— А кем они были?

КРИВИЦКИЙ. Комиссарами гражданской войны. Я уже делил все человечество на «красных» и «белых»...

И теперь опять — «Елка для взрослого». На последних ее страницах мы сталкиваемся с Романом Кривицким, вместе с автором находим и читаем телеграмму, подписанную военкомом полевого штаба Первой Конной: «Врангель производит эвакуацию семей офицеров за границу на пришедших в Новороссийск английских пароходах, что указывает на безнадежное положение белых», а если захотим, то и увидим молодого военкома — в белой-белой, выгоревшей гимнастерке, с тремя красными «разговорами» на груди, на одной из фотографий в живописном альбоме «Легендарная Первая Конная», изданном сегодня.

— А теперь выберите, Александр Юрьевич, самые памятные для вас события Великой Отечественной войны. Ну, два-три... Я понимаю, выбрать трудно, но опыт газетчика, наверно, научил вас, что с размерами газетной полосы и статьи приходится считаться, сколько ни разводи руками.

КРИВИЦКИЙ. Редактор вручил мне четыре строчки политдонесения, поступившего от политотдела одной из дивизий, оборонявших Москву... Я тотчас придвинул к себе несколько листов бумаги и написал передовую. Назвал ее «Завещание двадцати восьми героев». Не могу сказать, что она хорошо написана. Но именно в ней — пусть сбивчиво и неполно — впервые рассказано о подвиге двадцати восьми героев-панфиловцев... Утром следующего дня в редакцию позвонил Михаил Иванович Калинин, сказал: «Надо бы разузнать их имена. Постарайтесь. Нельзя, чтобы герои оставались безымянными...» Я отбыл на фронт. Он находился от редакции в сорока пяти минутах езды на автомобиле...

Были самые роковые дни сорок первого года. Там и тут напряжение и суровость неизбежно соседствовали с неосведомленностью и неразберихой... До газетчика ли тут?

Однако итогом этой поездки Александра Кривицкого стал очерк, который вместе с «Завещанием» составил книжечку, вышедшую многомиллионным тиражом в те военные дни в издательствах «Правда», «Молодая гвардия», Госполитиздат. Очерк открыл людям все двадцать восемь имен панфиловцев, и для всех прозвучала фраза их политрука Василия Клочкова, повторенная автору бойцом Иваном Натаровым, умирающим на госпитальной койке, и отозвавшаяся в каждом сердце, как эхо: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!».

Подвиг панфиловцев вошел в историю нашей Отечественной войны, а первооткрытие этого подвига Александром Кривицким — одна из самых видных страниц нашей партийной и военной публицистики. Живой пример того, как в самые трудные, кровавые дни той осени штык и перо не разлучались. Именно поэтому сегодня мы знаем и помним его с 28 героях.

Со временем, уже после войны, первоначальный очерк впитывал новые открытия автора, исследовательская неутомимость которого была продолжением чувства долга, тем более долга перед теми, кто сам все сделал до конца. Обогащаясь подробно-

Александр КРИВИЦКИЙ.

стями, позволившими широко написать исторический фон события, впечатлениями от новых встреч, в том числе и с участниками боя у Дубосекова, — да, четыре панфиловца, раненые и контуженные, оказались подобранными, спасенными, через несколько месяцев вернулись в строй, не зная, что их ждут заслуженные Золотые Звезды, — очерк превратился в документальную повесть «Подмосковный караул».

На ее страницах мы еще раз узнали: ничего не бывает случайным. Понимая, что танки — главная ударная сила врага, командир дивизии генерал Иван Панфилов, тоже погибший в те дни под Москвой, еще в Алма-Ате призывал и учил молодых бойцов стать истребителями танков.

Эхо подвига и очерка о нем еще тогда, в 41-м, как набат, прокатилось по всему фронту, всей стране и, конечно, ударило в сердца поэтов. Известно, что Николай Тихонов написал поэму «Слово о 28-ми гвардейцах», где строки так горячи, что обжигают. До нежности проникновенную поэму сложил Михаил Светлов. Немало стихов посвящено панфиловцам. Но никто не знал, что еще один поэт той же осенью писал о панфиловцах, мысленно переносясь под Дубосеково:

За ними была Москва

С кровью на белых бинтах своих...

С какой верой в нашу победу написана эта страстная поэма! И где! В турецком городе Бурса, в тюремной камере, куда власти втолкнули поэта, на многие годы оторвав от людей, пока прогрессивная общественность мира не вырвала его на свободу, и в 1951 году он приехал в Москву.

КРИВИЦКИЙ. Я в ту пору редактировал международный отдел «Литературной газеты». На ее страницах мы вели яростную кампанию за освобождение поэта... Мы поехали на аэродром встречать Назыма Хикмета.

— А как же до тюремной камеры, до ее узника могли дойти вести о подвиге 28 панфиловцев? Радио?

КРИВИЦКИЙ. Да, так оно и было. «Ежедневно три раза в день слушаю последние известия», — сообщал Назым в записочке из тюрьмы своему другу... Здесь, по-видимому, речь идет об официальных передачах радио Анкары. Но у Хикмета был еще и тайный приемник с наушниками. Он мог пользоваться им ночью. Тогда, очевидно, он и услышал тот давний мой очерк... Этот очерк передавался по советскому радио на русском и иностранных языках.

Другие события из военной биографии Кривицкого предлагаю выбрать самим читателям, а мне уже пора признаться, что ни встречи, ни беседы, по поводу этой статьи у меня с Александром

Юрьевичем не было. Все ответы — цитаты со страниц его книг: записок военного корреспондента, почти рассказов, повестей-хроник и другой прозы писателя, из повести «Тень друга» и второй ее части — «Отголоски минувшего». Можно сказать, я беседовал с книгами.

А. Кривицкий воевал на Курской дуге летал к партизанам в Брянский лес, но что касается меня, то из самых значительных событий, украшающих елку жизни писателя, я выбрал бы, наверно, еще то, которое началось с момента получения военным журналистом неважного листка с круглой печатью и словами: «Предъявителю сего разрешается присутствие и работа на аэродроме и в залах заседаний на особом мероприятии, проводимом командованием 8 мая 1945 года». Особым мероприятием было подписание в пригороде Берлина, Карлхорсте, акта о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии.

Прочитайте об этом, и вы разделите с автором «торжествующее бужевание души» и желание, чтобы вдруг случилось чудо: упали стены зала, и длинный стол окружили бы «все герои нашей святой Отечественной войны», залитые кровью, услышали бы в тишине властный голос маршала Жукова: «Пусть войдет немецкая делегация!» и выдохнули: «Не зря, значит, мы...»

Миллионы погибших стоят в строю победителей нерушимо. Живые помнят о них. И когда военный теоретик Булгар, в прошлом фашистский генерал, пишет: «Сам бог погоды остановил стремительное наступление немцев! танковых сил». А. Кривицкий восклицает: «Да, бог! Этим богом был русский солдат». И в другом месте объясняет, почему у солдата хватило сил на это: «Война не только кровь и муки... Наша война — вооруженная любовь к Отечеству».

И еще — хорошо бы взять эпизод встречи наших солдат с американскими разведчиками на Эльбе, свидетелями которой были корреспонденты «Красной звезды» К. Симонов и А. Кривицкий. Как наконец русские и американцы увидели друг друга, и вот уже первое суденышко — у нашего берега, из глубины сердца звучат слова торжественной клятвы: жить в мире... Это была встреча без всякого протокола, сама импровизация.

А потом началась «холодная война».

Об Александре Кривицком часто говорят: военный писатель и автор памфлетов на международные темы. Как будто это разное! Не очень понтоно порой: это «и» в характеристике связывает или разделяет? Между тем оно должно только связывать, потому что война холодная остается предисловием к войне «горячей», которую важно разгадать и остановить. Международные памфлеты Александра Кривицкого всегда зорки, бесстрашны, это боевые памфлеты, хотя сегодня его оружие — только слово.

Оно не теряет своей убийственной силы от язвительной галлантиности и порой даже изящества. В памфлете «Из жизни людоедов» автор вспоминает, как французские эпоху кружев и королей предложили универсальный ключ для растолковывания общественных драм и международных катаклизмов: «Ищите женщину!» Она, дескать, причина всего. И зносит поправку: «Ищите нефть!», «Ищите медь!», «Ищите алмазы!», и станет понятно, почему империализм, охваченный манией колониальной экспансии, бросался в заговоры и разжигал костры в Иране, Чили, Анголе...

Проза Александра Кривицкого, как понял читатель, документальна. Не сомневаюсь, он и раньше знал это, нередко встречаясь с нею. Мне осталось хоть немного сказать об этой прозе, этом жанре, занимающем все более широкое место в литературе. И хотя у русской художественной публицистики есть такие

великие предшественники, как Герцен и Лесков, и хотя в мировой литературе никогда не будет забыт такой образец, как публицистические страницы Гейне, нынешние авторы все еще скромно не выбрали названия своего жанра: очерк, эссе, записки, почти рассказ и т. д.

Жизнь, как никогда, насыщена историческими явлениями, и граница между ней и прозой становится все тоньше. Документальная проза не хочет отставать от событий. Но при этом все осязательней разница между ней и очерком. Документальный жанр без уверток сразу же обнаруживает у автора художественный дар или его отсутствие, не будь это сказано в обиду многим отличным журналистам.

Конечно, основа этого жанра — правда, иначе он не может стать одухотворенным. Притворное раздувание щек вместо подлинной страсти выявляется тут же. Без правды документальной прозе нечем жить, более того, правда становится единственным аэродромом, взлетной площадкой для воображения, в результате работы которого она возникает острее, виднее, резче. На изменяя правде, рядом с ней писатель отважно, гордо, безжалостно, как того требует истина, располагает другие неожиданные факты и слова и выделяет ее.

По-моему, это главное в документальной прозе. Все остальное — от размеров таланта.

Едва ли не на каждой странице документальной прозы Александра Кривицкого вы найдете подлинную живопись словом. Его «Елка для взрослого» украшена не только фактами, подаренными жизнью, но и художественными портретами людей. Это книга эмоционально зрелого и масштабно думающего человека, что нередко одновременно требует ума и отваги. А юмор? Он и едкий, и озорной, и человеческий, когда какой к месту, и все хорошо знают и ценят этот юмор, возникающий не ради балагурства, а полный достоинства и освежающей силы молодости, всегда присущей таланту.

И при всем этом художественная публицистика Александра Кривицкого никогда не теряет социальной зоркости. Это остается ее неизменным качеством. Как легко и свободно, скажем, движется сюжет повести «Тень друга», уже упомянутой в начале, как широк в ней охват событий! От исторического столкновения в старой русской армии суворовской школы с офицерами-гатчинцами, сторонниками и поклонниками палочной дисциплины до пронзительных слов признания в любви к Лермонтову и описания места его трагической дуэли с Мартыновым, от размышления над воронцовским наставлением «господам офицерам в день сражения» до воспоминаний о родном доме в Курске времен гражданской войны. И о чем бы автор увлеченно ни рассказывал нам, он никогда не изменяет памяти о том разделении, которое сопровождало всю дореволюционную историю: офицер — помещик, солдат — крепостной, угнетенный. Эта память владеет страстью писателя. Собственно, она и есть — страсть, наряду с другими источниками питающая художественную силу этой повести, одной из лучших в прозе Александра Кривицкого.

Вот почему читатели, знакомые с «Тенью друга», с удовольствием встретили сообщение о выдвижении ее на соискание Государственной премии СССР и от души желают автору высокой награды.